

должны перед другими всячески чтить своих родителей, защищать от неправд и осуждений, дорожить родительским благословением и стараться его получить, чтобы сердце родительское было к ним открыто. Благословение родителей похоже на всемогущее Слово Божье, без их благословения – иссушается ум, и другие от вас отчуждаются. Спасительный долг детей – успокоение родителей престарелых, можно ухаживать и за чужим православным лицом, если у вас нет родителей.

Отношение родных в семье связано с тем, что их дают родители, это, прежде всего братья и сестры, зачатые в одной утробе. Чувствам родства не учат, они уже есть – это братняя и сестринская любовь, она основа мира крепкого и согласного, источник взаимных радостей. Если братья и сестры не в ладу – это великое несчастье, сила дома слабеет и рушится. Родственная любовь в доме бывает и по чину родства: между праотцами и внуками, между дядями и племянниками, у сирот и вдов в отношении друг к другу. Эта любовь должна нести желательное радение, утешение, уважение.

Христианская семья есть первая малая домашняя церковь, где люди учатся знать и почитать Бога. Семья есть первая школа, где воспитываются добрые характеры и подготавливаются будущие общественные деятели. Семья есть источник добрых радостей, тихих удовольствий, мирного счастья. Семья есть основа и корень и личного счастья, и общественного благополучия. Если корень испортится, то и все дерево погибнет. Если семья разрушится, то не будет и общества, состоящего из семей.¹

Раздел II.

КРИЗИСНЫЕ СОСТОЯНИЯ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

КУЛЬТУРНО-ДУХОВНЫЙ КРИЗИС КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРЕСА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

(конец XIX – первая половина XX веков)

Юркова Е.С.

XX век отличался мощным ощущением кризиса – он стал для людей веком страха, отчаяния, ужаса, неуверенности в завтрашнем дне, переживания бессмысленности и бесцельности бытия. Фиксация культурного кризиса дана в смутных предчувствиях художественно-

¹ О семье и о воспитании / Книга первая и вторая. СПб., 1998. С.357-358.

поэтического сознания, в фантазиях, пророчествах и символах художественного воображения, в общественном настроении, отмеченном пессимизмом, апатией, инертностью, цинизмом в отношении к идеалам, а так же в жестких формулировках программ политических движений, находящихся в конфронтации с господствующими социально-политическими структурами.

Исторически зависимость кризисных духовных тенденций от состояния общества и культуры была выявлена западноевропейской философией. Впервые характеристика культурного процесса в состоянии кризиса встречается у Ж.-Ж. Руссо¹, но более последовательно проблема расширения и углубления духовного кризиса человека современной культуры прослежена Ф. Ницше.

В России тема духовного кризиса всегда была в центре внимания. Еще в XIX веке у таких мыслителей, как Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, чуть позже у Н. А. Бердяева, В. Ф. Эрн и др. Их размышления были посвящены проблемам духовно-культурного кризиса как западного, так и российского человека.

За последние примерно 150 лет интереса в отношении проблемы деформации/деградации человеческой духовности и ценностных ориентаций в условиях современных культурных процессов в философии сложилось примерно три подхода. Теоретизирование изменялось в контексте тех исторических событий, которые происходили в науке, политике, экономике, культуре и межличностных отношениях:

1) неприятие социокультурных изменений и/или их динамики, характерное для первой половины XX века. В философии ярко выражены негативные позиции авторов, которые в большинстве своем воспринимали происходящее как глубокий культурный и личностный кризис, имеющий тенденцию к катастрофе;

2) осознание сложившейся социокультурной ситуации как данности наблюдается в философском дискурсе 50 – 70-х годов XX века. Происходит отход от крайне негативных позиций и характеристик общества, культуры и человека и прослеживается формирование позиции принятия (но не притя) сложившихся процессов и ситуаций,

¹ См.: Руссо Ж.-Ж.. Рассуждения по вопросу: Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов // Руссо Ж.-Ж.. Трактаты. М., 1969. С.9-30.

их динамики и трансформаций. Философы не отказываются от кризисной трактовки культуры, но в целом более спокойно (умеренно), хотя подчас и пессимистично относятся к происходящим процессам. Пессимизм наблюдается не столько в отношении культуры вообще (кризисное состояние которой – факт, не подлежащий сомнению), сколько неоднозначность ее влияния на внутренний мир человека, его ценности. Основным мотивом, отличающим социальные теории этого периода, является ожидание «глобальной катастрофы»;

3) абсолютизация роли техники в деле решения социальных и человеческих проблем. В контексте духовных деформаций и культурных процессов это подход «позитивных мотивов» – этап различных подходов в философии, социологии, психологии, культурологии и др. к пониманию сложившейся социокультурной реальности, а также это этап поисков наиболее оптимальных и эффективных отношений/решений на всех уровнях данной реальности (в том числе и сциентистских). Культурно-духовный кризис либо воспринимается как сложившийся факт, в рамках которого нужно осуществлять определенные гармонизирующие общество процессы, либо происходит отказ от кризисной трактовки и утверждается, что наступил качественно новый этап в развитии культуры, человека и общества.

С начала XX века тема кризиса христианского человека стала повсеместным явлением в философии. Русский философ В. Ф. Эрн, противник западного рационализма и процесса механизации жизни, пишет: «Одной из глубочайших духовных черт современности нельзя не признать всесторонний, доходящий до метафизических корней кризис человечности»¹. В. Ф. Эрн замечает, что со времен И. Канта человек «низведен до гносеологического субъекта», что соответствовало духу надвигавшегося XIX века, и в то время как «социализм и революция завоевывали для отвлеченного гуманистического начала новые области социального и политического действия, в это время философское сознание “века чудес” развенчивало идею чистой человечности в трех последовательных моментах:

¹ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С.423.

1) в лице Фейербаха подменило ее человекобожеством и, устранив в ней окончательно онтологические черты, сняло границу, отделяющую человека от зверя;

2) в лице Ницше огненной критикой выжгло отрицательный знак на всем “человеческом”, превратившемся в *allzumenschliches*¹, – и поставило проблему выхода из человеческого в “сверхчеловеческое”;

3) в лице философов марбургской и фрейбургской школы довело до полной логической ясности глубочайшие мотивы Кантова критицизма и подошло вплотную к проблеме “нечеловеческой философии”.

XX век не остался в долгу перед веком предшествующим: в неожиданных мировых масштабах он явил возведенную в систему, теоретически обдуманную практику потрясающей бесчеловечности»².

В работе «Крушение кумиров» С. Л. Франк характеризовал состояние культуры и в Европе, и в России, считая, что «мы потеряли веру в “прогресс” и считаем прогресс понятием ложным, туманным и произвольным»³. По С. Л. Франку, в результате предшествующего развития культуры, просвещения, свободы и права человек, как и человечество, пришел к состоянию нового варварства – «духовного варварства народов утонченной умственной культуры, черствой жестокости при господстве гуманитарных принципов»⁴.

Многие русские мыслители, особенно славянофильского направления, уже в XIX веке писали о деградации западной культуры. В частности, Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев в теории культурно-исторических типов предвосхитили многие идеи О. Шпенглера о закате рационалистической культуры Запада. В то же время детальный анализ кризиса представлен в работах Н. А. Бердяева, П. Сорокина и других русских мыслителей.

Таким образом, русская философия посвящена вопросу обезбоженья Европейской культуры, как проблеме Европейской цивилизации. Мыслители Европы видели в кризисе в первую очередь утрату

¹ В пер. с нем. *сверхчеловек*.

² Там же.

³ Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М, 1990. С.141-142.

⁴ Там же. С.143.

духовных, интеллектуальных и творческих высот. А произведения русских философов полны тревоги о будущем человечества, о судьбе России, предчувствия возможной гибели. Они часто обращались к теме Апокалипсиса, грядущей катастрофы, конца истории¹. Все это ими воспринималось как реальность или близкая перспектива, как угроза физическому существованию цивилизации.

Следует заметить, что в большинстве своем произведения русских авторов отличались эсхатологическими мотивами. Эсхатологический мотив всегда был присущ русскому национальному самосознанию и русской философской традиции. В гибели человечества мыслители в большинстве своем видели залог последующего духовного обновления человечества и его культуры².

Как уже отмечалось, рассуждения представителей первого подхода во временном отношении в основном появляются до середины XX века, в том числе и в России. Согласно многим авторам, кризисные процессы идут в границах противоречий между природой человека и его результатами жизне- и культуродеятельности, когда человек оказался в ситуации зависимости от созданной им техницистской реальности. Катализатором кризиса западной культуры называется наука, точнее, ее результат – техника. Техника – это фактор, уничтожающий духовность и истинное творчество в человеке. В контексте данного отношения к технике и ее последствиям для человека и культуры рассуждали Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, С.Л. Франк и др.

По П. А. Флоренскому и Н. А. Бердяеву, по отношению к человеку достигнутый техницизм XX века напрямую предполагает определенную форму машинерии, а это, в свою очередь, определенный стандарт, бездушность, копируемость и инерционность. «Техника всегда есть средство, орудие, а не цель»³, – утверждал Н. А. Бердяев.

¹ См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 2002; Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1999; Сидорина Т.Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей. М., 2001; Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995.

² См.: Мирошников Ю.И., Юркова Е.С. Футурологические перспективы современного человека как объект философского анализа // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2008. №54. Сер.3. Общественные науки. Вып.4. С.97-113.

³ Бердяев Н.А. Человек и машина: Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии. 1989. №2. С.148.

Цели лежат в области сознания, человеческого духа, но в ходе научно-технической революции, инструмент, сотворенный homo faber, восстает против своего создателя. В результате прометеевский дух человека не может справиться с масштабной энергией техники. В этом проявляется ее роковая роль в человеческой жизни. По Н. А. Бердяеву, жизненные цели подчас подменяются жизненными средствами, что умаляет и гасит дух, и, следовательно, вопрос о технике – это вопрос о судьбе человека и культуры.

В свое время В. И. Вернадский увидел в процессе овладения человеком законами природы и использовании этого знания возможность в расширении своего влияния в биосфере на новом качественном уровне взаимоотношения в системе «человек–природа» – ноосфере. Ученый верил в возможности нравственной ответственности человека уровня ноосферы, в его чувство ответственности за результаты своей деятельности, за то наследие, которое достанется потомкам¹. Н. А. Бердяев же трезво оценивал ситуацию: техника, конечно, имеет космогоническое значение, так как через нее создается новая природная упорядоченность, но причиной этой упорядоченности является человек, которому удалось вызвать к жизни и реализовать новую действительность, в которой может не остаться места для человека.

Следуя за Н. А. Бердяевым, можно предположить, что главными негативными для человека последствиями от техники являются снижение способности у него оригинального, фантазийного восприятия реальности, нарастания агрессивного состояния, зависимости от условий комфорта, который обеспечивает техника, и формирование утилитарного отношения к окружающему миру.

В то же время, Н. Я. Данилевский отмечал, что тенденции к глобализации ведут к уничтожению самобытности культурно-исторических типов (то есть речь идет о «прополке» – стремлении «насадить» чужие ценности). П. Сорокин считал, кризис культуры наступает в результате прогресса как «перезрелости» чувственной западной культуры и активной милитаризации мира.

¹ См.: Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.

Нельзя не отметить, что европейские авторы в определенном отношении рассуждали подобным образом. Например, немец О. Шпенглер определял кризис как «окаменение» культуры на основе «самозабвенного и самоубийственного подвижничества западного человека». Англичанин А. Д. Тойнби истоки кризиса видел в снижении творческого потенциала народов (элит) в отношении Вызовов.

Таким образом, у авторов, хотя на первый взгляд и различные определяющие причины кризиса, но все они, так или иначе, сведены к ценностному пространству культуры: Н.Я. Данилевский спасение культуры видит в недопущении нарушения культурно-исторической самобытности, О. Шпенглер и А. Д. Тойнби в ценности творчества и стремлении к возвышенному, а П. Сорокин в достижении этапа катарсиса от осознания «перезрелости» культуры.

По мере развития индустриального общества все отчетливее выявлялось несоответствие между технико-технологическими возможностями общества и человеческим сознанием, которое сочетает в себе рациональные и иррациональные уровни. XX век через сознание человека и, как следствие, культуру и искусство, изначально проявился как век противоречий. С одной стороны, он, показывая возможности человеческого разума покорять природу и других людей, вселял в человека надежду на лучшее, и в не очень далеком будущем.

С другой стороны, именно XX век принес человеку не просто страдания, а показал действенное торжество смерти, разрушения и ненависти. Человек оказался в ситуации незащищенности, и в первую очередь, в ситуации катастрофического одиночества отдельного человека. Именно в XX веке человек осознал, что его конструктивные творческие реализации оборачиваются деструкцией мира, в котором ему жить и жить. Сам человек в границах повседневности превратился в «человека желаний», в котором чувство «иметь» отодвинуло на задний план стремление «быть». Эту неприглядную сторону современного общества сумели выявить теоретики еще до того, как ее признаки стали наблюдаемы воочию.

Обобщающий смысл авторов России в отношении культурно-духовного кризиса, скорее всего, таков: истоки духовного кризиса нужно искать в господстве рационального мышления, придания науке значение главного фактора, определяющего формирование общества

и человека. В целом русские теоретики причины культурного кризиса связывали с культурными ценностями, а деформационные процессы сводили к огрублению культуры в контексте бесконтрольного научного прогресса.

Нужно заметить, что культурная ситуация гораздо сложнее и многограннее, чем представляли ее себе русские авторы. Необходимо ли идти вслед за ними только критикуя современную культуру? Скорее, позитивное и негативное переплетаются в современной социокультурной реальности. В то же время, мы должны быть благодарны мыслителям начала XX века за то, что они целенаправленно обращали внимание общественности на кризисные тенденции.

В.В.РОЗАНОВ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ НЕУДАЧ РОССИИ В XIX-XX ВЕКАХ

Леднев В.П.

В.В.Розанов как мыслителя постоянно волновала историческая судьба России. Будучи великим русским патриотом, он всегда защищал достоинство России и ее народа, не боялся вступить в полемику с теми силами, которые ко времени его жизни настолько проникли в социально-экономические, управленческие и духовно-нравственные структуры России, что этого уже было невозможно не заметить.

Будучи литературным критиком, он прекрасно видел и понимал, что художественная литература в полной мере несет ответственность за судьбу страны. Особенно велики были его претензии к так называемым «нигилистам», которые, по его мнению, создали оторванные от реальности художественные образы, сыграли отрицательную роль в воспитании молодого поколения российских граждан. Он с горечью писал, что «Наша история за пятьдесят лет – это «история изнасилования России нигилистами»¹. Он высоко ценил А.С.Пушкина не только за его неповторимое художественное мастерство, но также и за то, что он был подлинно национальным поэтом, на которого равнялись все остальные и который способствовал развитию национального самосознания русских, объединению их духовно и эстетически. В силу этого он предполагал, что если бы Пушкин не был убит на дуэли и прожил 10-20 лет, то «история нашего развития общественного была бы, вероятно, иная, направилась бы иными путями». Шедшие за ним

¹ Розанов В.В. Из книги, которая никогда не будет издана. //Легенда о великом инквизиторе Ф.М.Достоевского.-М: Республика, 1996, с.635.